

ИНТИМНЫЙ
СПЕЦНАЗ

Михаил Серегин

**ГОЛАЯ
АГРЕССИЯ**

Михаил Георгиевич Серегин

Голая агрессия

Серия «Интимный спецназ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177001
Голая агрессия: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-28644-7

Аннотация

Дада промышляет любовью за деньги. Летом цепляет клиентов на пляже, зимой ищет спонсоров в ресторанах и клубах. Девушке срочно требуется богатый кормилец. И такой дядя быстро рисуется. Однако уже наутро красотка находит его мертвым под окном гостиницы. Братки и органы поочередно навешают Даду с угрозами и расспросами. Пока она пытается разобраться в произошедшем, гибнет еще один из ее «ценных кадров». Выйдя на след некоего автосервиса, связанного с угоном дорогих иномарок, Дада запоздало понимает, что лучше бы ей было не ввязываться в это темное дело...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

4

60

Михаил Серегин

Голая агрессия

Сентябрь вступил в свои права неделю назад. Еще зеленые листочки колыхались под легким ветром, еще солнышко нагревало землю, еще можно было загорать – при условии, что есть возможность поехать на пляж, или развалиться в пентхаусе, или, на худой конец, на залитой гудроном крыше; еще птички щебетали и, наевшись червячков, купались в лужах; еще люди продолжали улыбаться друг другу несколько чаще, чем в смурные зимние дни... – мало кому хотелось расстаться с прекрасным летом, но жизнь шла вперед.

Начинался сезон. Люди возвращались с дач в город и, проходя мимо лотков, скупали книги, кассеты, красиво иллюстрированные журналы, парфюмерию и сосиски.

Шоу-бизнес готовился преподнести публике последние наработки. Продюсеры потирали руки, предвкушая увеличение собственных состояний...

– Попку! Попку назад, Леночка! Катенька, носочек тянем. Молодцы, девочки! Работаем! Раз, два, три! Раз, два, три! – Пожилой, но не потерявший прыти Артур Никанорович Куркин готовил «фон» для восходящей звезды россий-

ской эстрады Вики Апрель. Денежки, которые вкладывались в Вику, помогли пригласить на работу с группой девочек, отобранных неизвестно кем и когда, самого Куркина!

Хореографу было пятьдесят пять. За его плечами – постановка четырех балетов и более двух десятков шоу разного калибра. Артур Никанорович брался за все, что ему предлагали, лишь бы платили побольше. Он был одним из немногих, кто мог в короткие сроки сделать из рыбы мясо. Получая коллектив, нередко наполовину состоящий из девочек, которые, может быть, танцевали в глубоком детстве (а на самом деле просто «дали» тем, кто дает на все это деньги), он мог за пару месяцев слепить нечто похожее на слаженный коллектив.

Его терпению и умению разговаривать могли бы позавидовать многие учителя. Проработав всю свою жизнь с людьми, он не стал неврастеником, срывающимся по каждому поводу, не стал тираном, не переродился в мудака, орущего на всех и каждого лишь из-за того, что кто-то махнул ногой не в ту сторону. Именно за это его ценили. Бескорыстие было единственным качеством, каким не мог похвастаться Куркин. Он постоянно требовал, чтобы ему платили в срок и как можно больше. И ему платили, потому что видели, что дело движется, потому что знали, что к сроку все будет готово.

На данный момент у хореографа была всего лишь одна проблема: он не мог добиться того, чтобы сама Вика прово-

дила на сцене вместе с балетом более одного часа в день.

Сейчас восемь девочек и два парня отрабатывали все номера один за другим без солистки, и Куркину это не нравилось. До первого концерта еще неделя – казалось бы, время есть, но на самом деле его уже нет.

Закончив репетицию, хореограф пошел звонить хозяину. Запершись в комнатухе, отведенной лично для него, Артур Никанорович сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, успокаивая тем самым себя после трехчасового марафона, состоящего из постоянных прерываний, объяснений, повторений не до конца отработанных движений.

– Как у вас дела? – Голос Иволгина, генерального продюсера шоу, выражал легкую обеспокоенность.

– Движемся, Дмитрий Игоревич, – нарочито мрачно пробурчал Куркин.

– Что-то вы не в духе!

– Виктория приходит только на час, а затем уходит в студию. Никакой красоты не получится, если наша звездочка не будет работать на сцене.

– Дело в том, что у нас возникла проблема с фонограммой. Надо срочно переписать одну песню, иначе выйдет куда более серьезный конфуз.

– Но мне надо хотя бы два дня поработать с ней от и до! – взмолился Куркин, уже представляя себе, как Вика сбивается с ритма прямо перед многотысячной аудиторией.

– Не волнуйтесь так, Артур. Мы ведь все равно начинаем

не со столицы.

– Да, я помню. Для начала едем в Тверь, но заканчивать все равно придется в Москве.

– Так и быть, я прощу вам некоторые оплошности, если они будут связаны с Викторией.

– Мне уже легче. – Куркин выражал удовлетворение. Разве не приятно узнать, что ты имеешь право на ошибку!

Попрощавшись с «денежным мешком», хореограф налил себе в стакан минералки. Холодная вода обожгла рот и горло. Ему понравилось. Тысячи маленьких иголочек прогнали жажду и освежили мозг. Теперь можно и домой.

Он уже закинул на плечо сумку и собрался уходить, когда к нему постучали. Не собираясь задерживаться на работе, он решил для себя, что не останется здесь ни под каким соусом.

Как оказалось, к нему стучала лично Она.

– Проходи, Вика, – пригласил он, отходя в сторону и пропуская средненькую по всем параметрам девочку к себе в каморку.

Она была одной из немногих, кому удалось ценой интриг и правильно заведенных знакомств пробиться к подножию высоченной горы, на вершине которой, как известно, находится Сама Алла...

Вика не была спортсменкой, что создавало немало трудностей при постановке концертных номеров. Килограммов восемь Куркин с нее содрал бы голыми руками, остальное подчистил бы ежедневными пробежками по утрам, но ему

не давали к ней приблизиться. Новая находка Иволгина, может, и была талантлива как певица, но фигура, а уж тем более мордашка, по субъективному мнению Куркина, никуда не годились. Сколько такую физиономию не малюй – красивее не станет, только косметику изведешь. Глаза врасстырку. Нос картошкой. Короткие толстенные губенки плотно сжаты. Узкий лоб и выщипанные брови. Слабые волосы из-за постоянного перекрашивания то в белый, то в малиновый или голубой. На данный момент будущая поп-звезда и жоп-модель коротко постриглась, а остаток атавизма выкрасила банальной хной.

– Я не смогу завтра прийти на репетицию, – заявила певица, поворачиваясь на сто восемьдесят.

Куркин попытался подойти ко всему философски:

– Ну, что же. Такова жизнь. Я просто позвоню Иволгину и скажу ему, что балет будет создавать на сцене некий фон, а вам придется просто держать перед ртом микрофон и вяло вилять то ручкой, то ножкой.

– Иволгин в курсе.

Столь смелое заявление несколько не озадачило Артура, он на своем веку всяких-разных повидал.

Достав сотовый телефон, хореограф вновь связался с продюсером и выложил всю правду-матку. Он говорил спокойно. Что ему эта певичка? Кто она такая? Ноль, пустое место!

Выслушав Куркина, продюсер пообещал приехать через полчаса и разобраться на месте в сложившейся ситуации.

– Он не велел вам никуда уходить, – остановил Артур Никанорович Вику, когда та собралась выйти.

– Я всего-навсего в туалет. Неужели боитесь, что сбегу?

– От денег не бегут, – вздохнул Куркин и вернулся к пашьянсу, разложенному на столе.

– Нечего тогда меня дергать! – Она вышла вон, хлопнув дверью.

– Ох уж эти новые звезды-п...ы, – промурлыкал ветеран постановочного жанра.

Иволгин приехал, как и обещал. Поздоровавшись, этот высокий, бородатый, немного располневший дядька уставился сквозь золотую оправу очков на Апрель.

– Вика, я ничего не знаю о твоём намерении пропустить репетицию. Ты еще не суперзвезда, да и фигура у тебя не то чтоб очень уж, так что, будь добра, веди себя нормально.

– И рожа! И кожа! Как вы меня достали!

Мужчины понимали, что сейчас они невольные свидетели нервного срыва. Работать девочке приходилось много, и в результате – спад, еще до выхода на сцену.

– Как это я не звезда?! У меня уже два клипа прошло по TV! Уже сорок один концерт за плечами!

– Ты сама мечтала о сольной программе, – возразил Иволгин. – И что теперь? Все бросить, когда в дело вложено столько денег и труда? Тебе саму себя не жалко? Ты уже три месяца пашешь по двенадцать часов в день!

Она села на стол, закрыла лицо руками и заревела.

– Ладно, у тебя завтра выходной. Будешь только есть и спать, – сжалился Иволгин.

– Но мы не сможем тогда... – Куркин не верил своим ушам.

– Значит, не сможем, – согласился Иволгин. – Вика, иди отдыхать. – Продюсер выпроводил ее, оставшись наедине с Артуром.

– Наверное, в восемнадцать лет это тяжело, – согласился хореограф, собирая со стола карты.

– Я уверен, что из нее выйдет толк. – Иволгин вытащил сигарету и закурил. – Правда, для этого ей придется пройти через ад – в противном случае, в трубу вылетит куча денег.

– У вас рискованный бизнес, – согласился Куркин.

– Не то слово. Каждый раз, когда тебе приводят новенького человечка, ты смотришь на него и думаешь, в плюсе ты будешь или в минусе. Дрянное дело, надо сказать.

– Вам не кажется, что у нее не слишком привлекательная внешность?

– Хотите знать, каким образом она вообще куда-то продвинулась?

– Я не заставляю вас рассказывать, – покачал головой Куркин, – но на моей памяти более гадкого утенка еще не было.

– Народ ее любит, она из толпы. Нет ни длинных ног, ни высоких грудей, ни шикарного голоса. Но вокалисты считают очень вероятным, что она может здорово прибавить, и только на это предположение я и рассчитываю.

Продюсер ушел. Артур Никанорович посмотрел на свое отражение в зеркале и спросил сам себя:

– Только ли голос заставил тебя, дорогой Дмитрий Игоревич, вложить в нее деньги?..

* * *

Сидя на лавке около небольшого частного дома на окраине Саратова, известный в округе длинноволосатик Серега курил «LM».

Дела у него шли неважно: из приборостроительного техникума выперли за раскур травки в общественном туалете и последовавшее за разоблачением буйство. Будучи под кайфом, он умудрился послать всех на... (очень далеко), набить морду – простите, лицо – самому директору и оттаскать за волосы учительницу математики. Одним словом, буйство.

Оказавшись, таким образом, без перспектив получить нормальное образование, он решил целиком и полностью посвятить себя делу всей своей жизни – стать музыкантом. Спасибо дорогой мамочке, которая таскала его в музыкальную школу, чтобы хоть как-то отвлечь пацана от улицы. В итоге он недоучился всего год, но уже мог на слух лабать любую мелодию, которая долетала когда-либо до его чуткого уха, – и на том спасибо дорогим преподавателям...

Сигарета как-то уж очень быстро истлела, и он зажег еще одну. Снова можно затягиваться и погружаться в мир грез.

Размышляя над тем, почему он пригласил в свою группу Юрика и Пашу, лидер тыкал носком остроносаго ботинка брюхо беременной суки, лежащей подле его ног. Псине было приятно аккуратное прикосновение к животу, и она не спешила встать и убираться в свою будку.

«Вот так, наверное, и я беременен мыслью. – Сергей Бобров посмотрел на часы. – Скоро три. Где эти остолопы? Пора начинать репетицию!»

Юра – он, конечно, профи. Закончил музыкалку, учится на втором курсе консерватории – без его умения обращаться с синтезатором пришлось бы туго. Никогда не опаздывает, если обещает, конечно. Сегодня он обещался быть. Другое дело – Паша. Премудрости стучать по барабанам и тарелкам его научил постоянно пьяненький дед Федор. В свое время дед играл по ресторанам, а когда решил завязать, забрал с собой и ударную установку. Правда, три круга да две тарелки вряд ли можно назвать установкой, но все же это лучше, чем ничего.

Сам Серега собирал свои волосы в конский хвост и брал в руки гитару, на которой пытался вытворить нечто, похожее на «ДДТ» или «Алису». Песни, которые он сам писал, вряд ли поразили бы Кинчева или Шевчука, но зато желания писать еще и еще у него было хоть отбавляй.

– Ну ты даешь, Юрик! – Серега разогнул длинные мослы и поднялся с лавки. Он был выше Юрки на целую голову, что ему очень нравилось. По остальным показателям, типа

интеллект, или находчивость, или умение играть и, наконец, в физической силе, что в призывном возрасте немаловажно, Бобров проигрывал.

– Транспорт не ходит – из города не уедешь, – пробурчал Юра. Юра качался время от времени, что сделало его плечистым и уверенным в себе. – Паша пришел?

– Нет еще.

– Тогда я не понял, какие ко мне претензии. – Юра двинулся на длинного, состряпав свирепое выражение лица.

– Спокойно, монстр, спокойно! – Серега сделал вид, что поджал хвост. На самом деле, он не боялся «положительного мальчика», как он называл про себя Юрку. Это просто игра: один нападает, другой отступает.

– Извините, – у калитки стоял запыхавшийся Паша. – Там с мужиками надо было одно дело обсудить!

Маленький и пронырливый Паша, будучи на год моложе Юрки и Сергея, которым уже стукнуло по девятнадцать, был постоянно в каких-то делах и постоянно при деньгах.

– У нас репетиция, – напомнил Сергей.

– А соседи как? – настороженно спросил Паша, припоминая недавнее выяснение отношений с тихими с виду бабушками, которые в конце эмоционального диалога стали закидывать молодых людей камнями. Ну да, Серега стал демонстрировать им свои отнюдь не мясистые ягодицы, но камнями-то зачем?

– С соседями все будет нормально. Три часа дня. Что хо-

тим, то и делаем.

Они вошли в дом – наследство, оставшееся после смерти бабушки по матери. Домик был так себе, но для репетиций лучше места не найдешь.

* * *

Сопля сидела абсолютно голая на смятой койке и пожирала бананы. Ее нынешний ухажер Ашот возил их на местный рынок и имел возможность каждый день радовать девушку ее любимыми плодами.

Сопляковой нравился этот высокий волосатый самец, который не принадлежал к отряду скупердяев. Его скромные сексуальные запросы она удовлетворяла запросто, подставляясь и так, и эдак... Он не платил ей денег, предпочитая водить девушку по магазинам и покупать ей тряпки. За два месяца Ира значительно пополнила свой гардероб и теперь не могла нарадоваться на своего мужчину. Расставаться с ней он не спешил, и это на данный момент было самым главным в ее далеко не прекрасной жизни.

Родителей у нее не было, то есть, конечно, были, но где они и кто они, она никогда не узнает. Выросла она в детском доме, а там, как известно, с папами и мамами туго.

После неуспешного, но все-таки окончания средней школы Ира серьезно занялась проституцией. У нее не было большого желания попасть под мужчину, зато жажда заработать

была весьма сильной. Особенно она, эта жажда, давала о себе знать, когда кушать становилось нечего. Кроме того, за жилье – комнату в квартире, принадлежащей старой бабке, – надо было платить вовремя. Старая гримза грозилась иначе выгнать ее на улицу, а кому этого хочется?

Жить в Клину не то чтобы очень здорово, но до Москвы всего полтора часа на электричке, и одно это согревает душу. Ира любила столицу. Ей нравилась чистота на улицах, нравились витрины богатых магазинов, нравился сплошной поток иномарок на улицах. А теперь ей больше всего нравился Ашот...

– Мне надо на работу. – Он появился в дверях и нахмурил брови, увидев обнаженную натуру. – Прикройся, бесстыжая женщина, или мне придется снова забыть о делах, а этого делать нельзя.

Она тут же юркнула под одеяло, на виду осталась только миниатюрная головка.

– Ты уже уходишь? Всего шесть утра. – Она никак не могла привыкнуть к тому, что он покидает ее каждый раз так рано.

– Если я не буду работать, я умру с голоду.

– Это что, восточная мудрость? – Она откусила очередной кусочек банана.

– Нет, жизненные реалии.

Ашот ушел, оставив Иру у себя в квартире. Он с недавних пор стал доверять ей. Это стало походить на граждан-

ский брак, и девушке нравилась такая жизнь. После того как она полгода мыкалась то здесь, то там, столь спокойное времяпрепровождение ее даже несколько расслабило. Она уже стала подумывать о том, чтобы поставить в известность старушку и выехать из комнаты насовсем.

Когда дверь хлопнула, Ира вскочила и бросилась на кухню, где ее уже ждал холодильник, забитый фруктовыми соками. Какая же сладкая у нее жизнь!

* * *

– Куда ты, лапка?! – крикнул ей бармен. – А платить кто будет?

Виктория, пошатываясь, повернулась к нему и нахмурила брови:

– Что ты от меня хочешь? За все заплатит Иволгин.

Вскарабкавшись по ступенькам наверх, она вышла на улицу из ресторанчика, расположившегося в полуподвальном помещении.

Вдохнув свежий воздух сентябрьской ночи, она вынула сигарету и закурила. У нее целые сутки на отдых, как здорово! Раздумывая, стоит ли вести машину в нетрезвом виде, Вика незаметно для себя уселась на место водителя и стала перепрыгивать с волны на волну, отыскивая музыку поприятнее. Второй час. Надо бы уснуть. К сожалению, завтра пить нельзя, потому как уже послезавтра утром она вынуждена

будет вернуться к работе. Куркин, скотина, выжимает из нее все соки, да еще и выражает неудовлетворение ее фигурой!

Выбросив бычок в форточку, она пристегнулась и «ударилась по газам». Включив ближний свет, певица выехала на шоссе и понеслась по набережной Москвы-реки.

На душе у нее было не слишком хорошо. Напряжение последних месяцев раздавило ее сущность. Она в первый раз за долгие недели упорного труда позволила себе расслабиться и немного выпить. Езда не доставляла ей удовольствия, и она прибавила скорость. Стрелка на спидометре поползла вверх и очень скоро достигла отметки «девяносто». Теперь лучше! Ветерок забегает в окно, обдувает лицо, лижет щеки. Она прибавляет еще, и глаза ее загораются. Вот так! Здорово! Ей намного лучше. Теперь она чувствует себя свободно, раскованно, она летит!

Безумие продолжалось недолго. Откуда здесь менты, черт! Ей уже машут палочкой... Сержант подходит к ней, отдает честь, просит выйти из машины и предъявить документы. Она подчиняется. Апрель смотрит в глаза инспектору, но ничего в них не видит. Глаза молодого служителя закона пусты...

Он выстрелил в нее трижды, затем произвел контрольный в голову и, спокойно сев в обычную «шестерку», поехал прочь. А она осталась лежать на асфальте, широко раскинув руки. Над головой было необъятное звездное небо, позади – короткая и, может быть, не самая тусклая жизнь...

Иволгину позвонила в четыре часа утра его бухгалтер, Лидия Яковлевна Зарокова, и сообщила страшную новость. Он сел на кровати и обхватил голову руками. Для того чтобы протолкнуть шоу, ему пришлось залезть в долги...

Теперь надо продать все, чтобы ему не пустили пулю в лоб. Печально, но игра закончилась не в его пользу.

Вяло одевшись, он поехал к себе в контору. Спать после столь ужасных новостей было невозможно.

Вспугнув спящего вахтера, Иволгин прошел в свой офис на третьем этаже. Здесь у него было все для того, чтобы беспроблемно жить и работать: туалет, ванная, жилая комната, приемная, личный кабинет, комната бухгалтера, зал заседаний.

Усевшись в огромное кожаное кресло, он взял чистый лист бумаги и стал делать на нем раскладку. Задача была непростой: предстояло отдать двести тысяч долларов.

Он знал, что сможет расплатиться, потому что никогда не брал больше того, чем владел сам, но столь нелепое фиаско повергло его в уныние.

Когда Зарокова – тучная женщина с парой лишних подбородков – пришла на работу, она нашла шефа пьяным и кислым.

– Сливай воду, Лидия Яковлевна. А заодно скажи, кто сообщил тебе о смерти Вики?

Толстуха была взволнована. Ее руки терзали ремешки су-

мочки, которую она не успела выпустить из рук.

– Какой-то мужчина – он не представился – позвонил мне домой, и я тут же перезвонила вам.

– Мне ничего не просили передать при встрече? – Его тон был спокойным, но ничего хорошего не предвещал.

– Нет, он сразу отключился.

– Так, может, она жива еще?! А мы тут горюем! Может, это шутка?

– Вот это вряд ли, – на пороге кабинета появился зевающий спросонья вальяжный брюнет в давно не глаженном костюме серого цвета. – Капитан Ревенев, отдел по расследованию убийств.

Не пригласить капитана войти было бы со стороны хозяйина офиса невежливо.

– Присаживайтесь, – предложил Иволгин. – Чай, кофе?

Они были ровесниками, высокий бородатый Дмитрий Игоревич и не менее высокий капитан.

– Мое имя-отчество Роман Леонидович. Я буду вести это дело.

Несмотря на пол-литра выпитого в гордом одиночестве виски, продюсер неплохо воспринимал окружающий мир. Он даже соображал, что к чему.

– Нам тут всем так жаль, что Вика погибла. – Руки продюсера проворно спрятали листок с расчетами в стол.

– Для вас это серьезная потеря?

Вопрос не понравился Иволгину, и он стал слегка хамить:

– Слушай, Роман Леонидович, а как ты думаешь, какого хрена я тут сижу с четырех утра и пью, а? Ты думаешь, это тебе бирюльки?

Сонливость капитана как рукой сняло.

– Я попрошу!.. – Следователь вскочил с занятого было кресла и навис над Иволгиным.

– Ладно, чего ты обижаешься? – отступил пьяный продюсер. – Сейчас я во всем признаюсь.

Бухгалтерша, которая еще не ушла, так и обмерла.

– Я пошутил. Я ни в чем не виноват.

– Господин Иволгин, перестаньте дурачиться! Я понимаю ваше состояние, но мне нужна информация немедленно. У вас есть враги?

– Вся Москва, – продюсер идиотски залыбился. – Если бы они и были, я бы не сказал, потому что жить хочу, товарищ капитан! – Он грохнул кулаком по столу, после чего опять потянулся к виски.

– На сегодня хватит. – Ревенев отобрал у него бутылку, не забыв перед тем, как отставить ее на журнальный столик, понюхать содержимое. – У вас есть друзья в милиции?

– К чему этот вопрос? Бойтесь за собственный зад?

– Нет, – спокойно ответил капитан, – просто убийца Вики был в милицейской форме. Давайте признавайтесь, во что вы вляпались.

Словно сдаваясь, Иволгин поднял руки вверх:

– Я честно веду дела.

Попросив бухгалтершу принести пару чашек горячего чая, он сделал попытку перестать артачиться, что было непросто: алкоголь продолжал будоражить сознание.

– А вот ваши недоброжелатели пытаются разделаться с вами любыми способами!

– Меня же не трогают! Убили певичку. Откуда я знаю, чем она занималась?

– Так у нас ничего не получится. – Ревенев подошел к нему и поднял за грудки с места. – Сейчас поедем в отделение, а может, и в трезвяк заглянем, потом будем беседовать. Ты этого хочешь?!

– Хорошо, хорошо, – промямлил Иволгин, – будем говорить. Только в ментовку не надо!

– Вот и ладненько. – Капитан опустил бородатого на место. – Назовите ваших врагов и конкурентов, а также ваших кредиторов, если таковые имеются.

– Повторяю, врагов нет. Конкуренты – точно такие же продюсеры, делающие деньги на различного рода певцах и певицах. Там же и группы, и труппы, и цирки, и сатирики. Список довольно широкий. Что касается кредиторов... У меня их нет. Я сам поднялся, сам зарабатываю себе на жизнь.

Ревенев усмехнулся.

Принесли чай. Капитан не забыл поблагодарить бухгалтершу за проявленное внимание и принялся пить кипяток маленькими глотками, исподлобья глядя на продюсера.

Тот делал практически то же самое, с той лишь разницей,

что предпочел уставиться в окно. Стороны взяли пятиминутную паузу.

* * *

Сергея сидел грустный. У него был повод расстраиваться. Вчера полетел их единственный синтезатор. Вообще-то инструмент принадлежал Юрику, но он бескорыстно отдал его в общее пользование. Что теперь им делать? Подавать в суд на электрические сети за то, что у них скакнуло напряжение? Ничего не добьешься, а если и добьешься, то уже где-нибудь к пенсии. Очень противно ощущать себя никчемным человеком! Юрик сказал, что он обязательно починит, но где гарантия? Инструмент японский, деталей к нему в России днем с огнем не сыскать. Денег на то, чтобы купить другой, у них нет.

На лавочку подсел пьяный Паша. Сергей – лидер группы, автор песен и музыки, не удивился.

– Что? Грустишь? – Паша был также в подавленном настроении. Может быть, он даже в большей степени переживал утрату инструмента, чем непосредственный его владелец и Сергей, вместе взятые.

– Ты чего это напился? – Серега не понимал своего товарища, когда тот все проблемы стремился решить с помощью запоя. – Вместо того чтобы искать средства, ты их транжиришь!

Паша виновато потупил в землю глаза.

– Извини, конечно, но у меня двести баксов в карманах случайно не завалилось.

– Нам хватило бы и сотни за подержанный, – мечтательно произнес Серега. – Так хотелось выступить первого сентября в своей родной школе! Побренчали бы там что-нибудь. Глядишь, после этого концерта объявился бы какой-нибудь спонсор.

Паша рассмеялся от души.

– Какой спонсор, Серега, проснись, страна в анусе! Какой тебе спонсор! Тут каждый выживает, как может, а ты – «спонсор»!.. Прежде чем бегать по спонсорам, надо хоть что-то сделать, хоть десяток концертов отработать. Пива хочешь?

– Не откажусь, – невесело пробормотал Бобров, накручивая на палец кусок рваного шнура. – Ты сходишь?

Очень скоро они пили пиво и играли в карты.

– А может, бабкин дом продать? – Сергей посмотрел на домишко, служивший им студией, а затем на Пашу.

– Ага, а мать тебе башку снесет! Зачем нам твой труп?

В словах Паши была горькая правда. Бабкин дом – единственная недвижимость, которая была нажита кланом Бобровых за несколько десятков лет.

– И что ты предлагаешь?

Паша потупил пьянющий взор.

– Ну, ты и сам можешь догадаться...

– Не-е-ет, в тюрьму я не хочу. Мне такое дело не по душе.

– Да ты же директору училища...

– Техникума! – с достоинством поправил Сергей.

– Хорошо, техникума, морду набил, а тут делов-то: прогуляться вечером по поселку да потрясти наряженных девчонок. Четыре золотые сережки – и все дела! Я знаю мужика, который без вопросов все закупит.

– Поймают – три года минимум!

– Два, и условно. Единственное, что необходимо в этом деле, так это работа в гордом одиночестве. Ты и она – один на один. Иначе могут на самом деле накрутить.

– Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша. Паша, у тебя не все дома!

– Ну не лезть же воровать!

– Тише! – Серега заткнул собеседнику рот. – Ты что? Тут за каждым забором по бабуле с растопыренными ушами. Так орать в частном секторе! Говори тихо... Кстати, почему мы не говорим о Юрике?

– Юра, Юра, – Паша почесал затылок. – Пусть он будет на подстраховке. Мускулов много. Так его не расшевелишь, а вот если что случится – поможет.

– Тогда уж так, – Серега смахнул рукой капли пива с губ, – работает один, двое страхуют. Обернемся сегодня же?

– Ну, если надыбаем товар, то завтра у нас будут деньги, а послезавтра инструмент, и может, не один.

– Время сейчас четыре сорок две, – сообщил деловито Се-

рега, прихлебывая «Пензенского» из бутылки. – Юра уже дома, как думаешь?

– Должен быть. Я пошел звонить. Пусть сюда идет, да?

– Да. И не треплись с ним долго. Мы ему вообще можем ничего не говорить, просто поставим перед фактом, когда начнем работать.

– Ты просто гангстер, – заметил Паша, подымаясь. – Никуда не уходи! Скоро мы с Юриком подвалим...

Пришли они в седьмом часу вечера. Очень пьяный Паша и недоумевающий студент.

– Мужики, вы чего это навеселе? – спросил он, заходя в дом, где порядка не было с тех пор, как мать Сереги отдала его на растерзание собственному сыну.

– Мы, наоборот, грустим, – спокойно сообщил Серега.

– Вы из-за инструмента, что ли? Ну, это ведь дело поправимое, я его уже отдал ремонтировать моему знакомому. Он в этом деле мастер.

– И он точно починит? – с великим интересом спросил Сергей.

– Очень может быть, – с достоинством ответил качок. Он не любил, когда его возможности или возможности его друзей ставились под сомнение.

– Ну, этого никто не знает. – Паша, похоже, уже вбил себе в голову, что они идут на дело.

Серега его понял и, поразмыслив немного, согласился.

– Ладно, давайте всхрапнем чуток и пойдем на дискач.

Девчонок они решили пасти, когда те поплетутся с танцуплек по узким улочкам плохо освещенного поселка.

Не подозревая, какую бяку затеяли его дружки, Юра с превеликим удовольствием растянулся на предоставленном ему диване и заснул. От «поспать» он никогда не отказывался.

Около двенадцати был объявлен сбор. Продрав глаза, полутрезвые Серега с Пашей и ничего не подозревающий Юрик вышли на улицу, отлили в кустики и пошли в сторону трассы, отделявшей частный сектор от новостроек.

– Что? – Юра не понял, почему два его приятеля вдруг неожиданно остановились. – Я не пойму, вы идете или нет?

Чуть дальше дорога поворачивала влево. Вышедшие на промысел охотники понимали, что лучше места им не найти: по длинному радиусу рос густой кустарник, с противоположной стороны стояло всего два дома. Между тем проходимость здесь в ночные часы была приличной. Недавно проложенный асфальт делал это направление весьма привлекательным для пешеходов. Кому не хочется, топая посреди ночи, ощущать под ногами ровную поверхность, а не кочки с канавами?

– Юра, пойдем со мной, а Серега пусть останется здесь. – Паша и до этого плохо себе представлял, как это он умудрится заставить Юрика стоять там, где надо, и делать то, что ему говорят.

– Вы чего? – Здоровяк продолжал недоумевать по суще-

ству вопроса.

«Длинный» решил разъяснить:

– Мы хотим немного заработать...

– На асфальте деньги делают только козлы! Вы тоже козлы, что ли?

– Иди с Пашей, – Сергей по-дружески похлопал Юру по плечу.

– Два ненормальных!

Когда Сергей остался на обочине дороги, а Паша завел «клавишника» поглубже в кустарник, когда они присели на корточки и затаились, Юра понял, что ребята не шутят.

– Вы знали, что я буду против, да? – прошептал он.

– Извини, но мы все это затеяли ради дела.

– Ради какого дела?! – В Юрике что-то переключилось, и он стал стремительно набирать обороты, надеясь в глубине души прекратить все это.

– Тише! – цыкнул на него протрезвевший Паша.

Серега стоял и посасывал никотинку. Он даже заскучать не успел, потому как только группа заняла позицию, из-за поворота донеслось цоканье каблучков. Выбросив сигарету, он подумал, что лучше будет зайти сзади, углубился в кусты и пригнулся...

По дороге топала малолетка, обвешанная какими-то украшениями. Бижутерия их не интересовала как таковая. Но нельзя же среди ночи определить с десяти метров, что там на ней такое надето! Короткая стрижка давала возможность

разглядеть серьги. Бобров почему-то считал, что именно серьги являются зачастую самой дорогой вещью в женской упаковке, причем чем они меньше, тем дороже. Именно блеск крохотных безделиц на мочках обладательницы почти прямых худеньких ножек был той самой каплей, которая склонила чашу весов в пользу нападения. Посмотрев, нет ли кого за спиной у девчонки, он вышел из укрытия.

– Эй! Лапочка! – позвал он.

Малолетка споткнулась, едва удержавшись на высоких каблуках.

– Что вам надо? – пропищала она, отступая. Ее черные глаза были полны ужаса.

– Снимай с себя побрякушки, и я тебе ничего не сделаю.

Она замерла на месте и заревела. Сергей подошел к жертве и шепотом приказал прекратить истерику.

– Давай!

Она стояла, опустив руки.

– Давай, давай! – Он возвышался над ней на три головы. –

Или мне самому?

– Хрен получишь, пидор!

Острый нос туфли влетел в пах.

Паша, сидя в кустах, прыснул со смеху.

Сереге корчился на дороге от боли, а девка, сбросив туфли, дала стрекача.

Когда напарники вышли на дорогу, «длинный» уже распрямился.

– Прыгай на пятках, монстр ночи! – скалился Юра. – Ребята, вы ищете на свою жопу приключений.

– Помолчи. – Глаза Сергея горели от боли и злости. – Следующая так просто не отделается!

– Второй раунд, – объявил Паша и побрел в кусты.

– Э, куда ты поплелся, умник, твоя очередь получать по бейцам!

Серега был прав. Тянули жребий – первым выпало «длинному», теперь должен был работать Паша.

– Я думал, у тебя полно энергии, – извинился он, маленький и ушлый. – Ладно, смотрите цирк.

Когда ударник пропустил вторую девку, спешащую под папин ремень и мамин визг, Серега стал материться, одними губами выражая недоумение.

Паша теребил шнурки на кроссовках, затаившись в кустах. Оказывается, не так просто встать посреди дороги и сказать: «Эй, кобыла, снимай побрякушки!» На все требуется «сила духа и сила воли»...

Прилично одетая пара прогулочным шагом направлялась к ним. На мужчине был черный костюм, белая рубашечка, галстучек. Все, как положено. Джентельмен, его мать! Рядом с ним высокая, красивая, на шпильках, в деловом костюме.

«Что они здесь делают? Е-п-р-с-т!» – царапнуло у Паши в голове. – Да какая разница? Такая краля бижутерию на себя вряд ли нацепит...»

Серега видел, как Паша выкатился на дорогу, и понял, что

им придется поддержать его, иначе упакованный дяденька начистит Паше харю.

Возникнув перед парочкой, грабитель неожиданно вытащил нож.

– А ну, стоять! Гоним бабки, побрякушки, часики!

Иннокентий Михайлович Петров был человеком интеллигентным. Ну, если кого и бил по морде, то исключительно в целях самозащиты. Сейчас, гуляя ночью с очаровательной спутницей, которую ему очень рекомендовали друзья, он никак не ожидал, что наткнется на какого-то подонка.

– Вы испортили нам такой вечер, – с сожалением заявил юноше аккуратно постриженный господинчик. Казалось, демонстрация ножа не произвела на него никакого впечатления.

– Дорогой, может быть, сделать, как он просит? – спросила девушка у своего спутника.

– В этом случае, дорогая, мы послужим фактором ускорения в негативной тенденции роста уличной преступности в наших городах.

Пашу взбесило, что он не понял смысла фразы до конца и то, что этот мудака никак не реагирует на его угрозы.

– Вот проблема! – сообщила очевидное длинноволосая зеленоглазая спутница своему кавалеру.

Из кустов на дорогу вышли Сергей и Юра.

– Вы что, не поняли? – Серега не шутил. – Все быстро отдали и испарились!

Иннокентий Михайлович изобразил на лице сожаление:

– Извини, Дарья, но, кажется, вечер испорчен окончательно.

Юре не понравилось, как вел себя господинчик. Парень на ходу расстегнул рубашечку, и на свет показалась накачанная грудь – последние недели Юра тренировался особенно интенсивно и был в форме; ночное приключение не очень ему было по душе, но главное, что он выспался, а значит, сможет восстановиться до следующей тренировки.

– Ты дурак, – качок подошел к мужчине, который почему-то не хотел наложить в штаны, и стал играть мускулами. То левая, то правая мышца на его груди дергалась, а руки были заняты легким разминанием суставов.

– Ты сам дурак, – вдруг заявил джентльмен. Холодная сталь уперлась Юре в глаз. Серега с Пашей тут же отпрянули. – Это, мать твою, «беретта», девять миллиметров. Если не отстанете, ваши родственники будут собирать мозги по всему поселку.

– Дорогой, не нервничай!

Дарья Данилова – девушка, чье основное занятие заключалось в поиске и обрабатывании богатых мальчиков, не хотела, чтобы ее втянули в кровавую разборку. Ее нынешний клиент не был каким-то уж особенным, но без ствола не ходил, потому как работал телохранителем очень большого человека – владельца химического комбината Гюнтера Фишера, приехавшего к нам из Германии.

Казалось бы, какой-то там телохранитель! Но немец хорошо платил, и это позволяло бывшему майору спецназа содержать девочек.

– Я не нервничаю, просто после того как ушел на пенсию, еще никому не стрелял в голову.

Было видно, что парни струхнули крепко. Троица попятилась, и очень скоро развитый Юра быстрее остальных удалялся от сердитого дяденьки.

* * *

Отделавшись от надоедливого следователя, Иволгин налил в чай коньяку и стал прихлебывать коричневую жидкость маленькими глотками.

Вчера, в девять вечера, он был на коне – сегодня, к девяти утра, он, конечно, стал финансовым трупом. Несмотря на то, что мозг его официально был пьян, шарики и ролики не прекращали вращаться в авантюрной черепушке предпринимателя. Допив чай до конца, он удивился, что ему ни разу никто не позвонил. Наверное, еще не узнали о случившемся. Он остался без своей козырной карты. Конечно, можно сыграть на смерти певицы – на этом он что-то сумеет вернуть. Но они ведь успели записать всего-навсего ее первый и единственный альбом. Жаль. Пела она не так уж и плохо.

Оставив Лидию Яковлевну вести хозяйство в офисе и отвечать на телефонные звонки, продюсер решил съездить к

своему коллеге Тихону Армавинову в надежде, что тот сможет подсказать, как ему лучше распорядиться последним альбомом Вики.

В том, что у тебя офис на Тверской, есть одно преимущество: можно в любое время дня и ночи снять девочку – хоть на час, хоть на сутки, хоть на пять минут. Но сейчас ему было не до девочек, сейчас он мысленно перенесся в район Казанского вокзала, по соседству с которым «сидел» Тиша...

Электричка, словно гигантский шприц, впрыснула в столицу полторы тысячи человек, которые словно тараканы ринулись по только им ведомым маршрутам.

Сопля перекинула сумку с одного плеча на другое и двинулась к станции метро. Сегодня у нее была только одна большая задача – получить удовольствие от посещения концерта группы «Любэ». Как она их любила! Все мальчишки такие... ну такие классные! Она не могла подобрать слов.

До начала представления было еще добрых пять часов. Билет у нее уже на руках – спасибо Ашотику, – можно походить по магазинам и присмотреть себе что-нибудь, потом взять ухажера и приехать, и купить, и насладиться новыми шмотками.

«Мерседес» плыл по городу, доставляя господина Иволгина к господину Армавинову. Тот уже был оповещен звонком и сказал, что найдет время. Судя по тону, он ничего не знал, и это в общем-то уже неплохо.

Когда ему в очередной раз пришлось нажать педаль тормоза, он поймал себя на мысли, что сидит за рулем в нетрезвом виде, потому как бампер чуть не коснулся ног какой-то девки, которая, видимо, приехала из Западной Европы. Она, наверное, не знает, что в России, даже если горит зеленый, пешеходам все равно надо смотреть по сторонам.

Он долго провожал ее взглядом, и его угрюмость сменилась вдруг явной заинтересованностью. Он воспрянул духом... Сзади уже клаксонили, а он все смотрел на девушку. Когда же гудки разбудили его, Иволгин рискованно развернулся и догнал обладательницу беленьких, еще не успевших загореть ножек.

– Курочка, не хочешь прокатиться?

Сопля повернулась и увидела, что к ней клеится бородач в «Мерседесе». Перед ней тут же всплыла разъяренная физиономия Ашота, и она, не сказав ни слова, пошла дальше.

Он знал, что такое случается. На разных континентах, в разных странах примерно в одно и то же время появляются люди, очень похожие друг на друга, и их называют двойниками. То, что по дорожке шлепала не Вика Апрель, а какая-то другая девочка, мог определить лишь тот, кто очень близко знал Вику, так близко, насколько это вообще возможно.

– Девушка, я очень хороший, я просто хочу вас подвезти, чтобы вы не утруждали ходьбой такие прелестные ножки.

Ира остановилась. Да что она в самом деле испугалась какого-то Ашота!

– Садитесь. – Он услужливо открыл дверцу.

Сопля помялась мгновение, а затем нырнула в тачку.

* * *

Дарья лежала на шелковых простынях и изучала программу передач. Отметив про себя, что ничего лучше «Терминатора» на этой неделе не предвидится, она повернулась на живот и, согнув ноги в коленях, стала болтать ими в воздухе.

Иннокентий был в душе. Ночное приключение абсолютно никак не отразилось на нем. Когда трое полудурков возникли из темноты, ей стало страшно. Она знала, что у ее спутника есть оружие, и все же неприятно, когда перед твоим носом размахивают ножом. Майор не оставил им никаких шансов, он мужчина, настоящий мужчина. В свои сорок неплох в постели – то уютит, как танк, то отпускает на свободу, словно птицу из клетки. Мужчина!

– Чего лежишь, голожопая? – Командирский окрик застал ее за рассматриванием рекламы предстоящего концерта Вики Апрель.

Она улыбнулась.

– Отрабатываю планы дальнейших действий, товарищ майор.

– В отставке, – грустно добавил Петров, опускаясь рядом с ней на кровать. – Кофе я увижу сегодня?

Как-то само собой получилось, что Дарья была для тело-

хранителя не только секс-игрушкой, но также и чем-то вроде прислуги или, если угодно, хозяйки. Она не хотела отказывать ему, такому сильному, красивому и подтянутому. Могла ведь и сама попросить кофе в постель, но в их паре он всегда был на ведущих ролях.

– Обязательно. – Она поднялась с кровати. – Знаешь, за целый месяц мы никуда с тобой так и не сходили.

– Скучаешь по вольному образу жизни?

– Через две недели к нам одна девочка приедет петь. Вика Апрель, новенькая звездочка, может, мы сходим?

Майор вздохнул.

– Я, наверное, там буду самым древним. О чем она поет хоть?

Он говорил это так, будто ему предстояло ковыряться в огромном мусорном баке...

– Ты не хочешь идти?

– Я не могу обещать. – Он насупился, на лбу появились морщины.

– Штука баксов за моральный ущерб. – Она подошла к нему и чмокнула в щеку.

– Договорились, но не дай бог тебе подцепить кого-нибудь на этом сборище сопливой молодежи. Пожалей того парня...

– Успокойся, я уже иду готовить кофе.

– Зад прикрой, бесстыжая!

Бобров снова сидел на излюбленной лавочке и пил пиво, которое любезно притаранил Паша.

Юрика, как всегда, не было. Он был в городе и постигал премудрости музыкальной науки, что для их группы было очень даже хорошо.

– Ну мы вчера и учудили! – проскрипел Паша.

– Да-а, – согласился Сергей, наслаждаясь пивом.

– Надо было их пропустить.

– Ага...

– Но какие на ней были серьги! Ты видел?!

– Спрашиваешь!..

– И надо же такому случиться: у мужика была пушка!

– Да уж... Больше мы так гулять не будем. Риску много – толку мало.

Паша постучал воблиной по доске.

– Я сегодня нормально спать не мог. Постоянные кошмары, все от кого-то бегу. Слушай, а если бы он выстрелил?

– Рожа у него была очень спокойная, с такой чаще всего и убивают.

– Бедный Юра был на волосок от смерти. – Чешуя полетела на землю. – И все-таки мы классно играем. И нам нужен новый синтезатор.

Сереге промолчал. Он понимал, что товарищ прав: без ин-

струмента делать нечего. Сочинять ему сейчас не сочинялось. Да и так написал сто песен. Играть-то рано или поздно все это надо... И из-за отсутствия какой-то электроники у него теперь производственный застой. Ему деньги нужны не на дебош или мотовство, ему деньги нужны для дела!

Газетка, на которой уютно расположились баночка тушенки, мягкая буханочка хлеба да зелененький лучок, привлекла внимание Пашки.

– О, бля, опять гастроль! Какая-то попсовая мочалка Вика из столицы. Ну как она, баба, пробилась? Это сколько ж надо «давать»?!

– В том-то и фокус, что «давать» надо одному-двум, но тем, кому надо, а то пойдешь по рукам, – сумничал Серега.

– Из тебя бы вышел крутой сутенер! – отвесил своему предводителю комплимент Паша.

Боброву понравилась мысль:

– Может быть. Главное в том, что в нее вкладывают бабки, а в нас никто ничего не вкладывает.

Паша заржал:

– А в нас некуда! У нас все очень узкое!.. У нее там пещера Арара, а у нас? У нее и свет, и звук, и техника последняя!

– Вот именно, – согласился Серега и в задумчивости уставился в бесконечность.

– Ты чего? – Паша не любил, когда человек вот так, ни с того ни с сего, вдруг берет и выпадает из разговора, начиная бродить по лабиринтам собственных мыслей.

– Ничего, думать будем.

Паша хлопнул приятеля по плечу:

– Чего думать? Воровать надо. Давай разденем девочку!

Они очень хорошо понимали друг друга, в противном случае и друзьями бы не были. Один намекал, второй въезжал в тему и дополнял.

– Украсть несколько тонн оборудования? Да мы даже с девчонок золотишко поснимать не можем!..

Паша чувствовал, как «длинный» начал дозревать – до жирафа всегда тяжелее доходит!.. Приятель хоть и возражал, но делал это с ленцой, проявляя озабоченность лишь трудностью столь грандиозной задачи. Ударнику требовалось всего лишь чуть-чуть надавить на Сергея, и тот даст слабину.

– Да когда у нас будет еще шанс?! Девочка новенькая – значит, команда небольшая; устроимся помощниками, колонки таскать, а потом «кинем» их!

– До концерта или после? – Предводитель советовался. Вопрос был уже непосредственно по теме.

Зажевывая солененькую спинку воблы, Паша мечтательно посмотрел на голубое небо:

– А какая разница? Только вот без Юрки нам опять же не обойтись. Он водитель. На себе же не потащим...

– Хорошо... – Серега почувствовал, что пиво больше не вмещается. – Только... только «что и как» обсудим уже втроем. Во что ты меня втягиваешь, Паша, во что?

Глядя на то, как Ира, а теперь Вика, двигается на сцене, продюсер не переставал себя нахваливать. Подобранная им прямо с улицы угловатая ровесница покойной на поверку оказалась более стройной и пластичной. Мордашка у нее была посмазливее, что тоже немаловажно. Вопрос непосредственно пения на сцене решался как всегда: фонограмма есть, остальное дело техники – разевай рот да двигай попой.

Еще вчера он сомневался – на правильном ли стоит пути, но теперь – нет, теперь все идет как надо.

Когда Лидия Яковлевна увидела девочку, которую привез Иволгин, она очень долго не могла закрыть рот от удивления.

– Это мысль! – ответила она шефу на его подмигивание.

– О! Как у вас здесь здорово! – Ира рассматривала кабинет, отделанный в современном стиле: итальянская мебель, на стенах престижная сине-зеленая «мазня» продвинутых художников... вазочки, кожаные вертящиеся креслица...

Тут же в кабинете появились кофе и пирожные.

– Я не стану ходить вокруг да около. Вы мне нужны.

Ире было безумно интересно. Кто бы мог подумать, что ей предложат работу, да еще и привезут в шикарный офис!

– И что я должна делать? – Она и не думала отказываться от заварных с прекрасным кремом.

– Я продюсер. Я вкладываю деньги в талант. Одна моя

подопечная неожиданно очень сильно заболела, и ее надо подменить на пару концертов.

Ира слушала и ела.

Когда она выслушала все до конца и дала согласие, на столе появились деньги, много денег. Тысяча долларов задатка. Увидев бабки, она мысленно послала Ашота подальше. Маршрут – пусть сам выбирает...

Куркин встретил новую Вику с долей скептицизма, но уже к вечеру его глаза блестели. Испытывая подъем, он подошел к Иволгину.

– У девочки дар божий! Как ни жаль ту Вику, но эта намного, – он просто задыхался от восторга, – намного лучше! Оставшиеся три дня я с нее не слезу, и у нас будет результат.

– Отлично, – похвалил продюсер.

«Мне бы только удержаться на плаву! Только бы ускребстись! Вместо Вики Беспритыкиной на сцене будет Ирина Соплякова? Ну и хрен бы с ним, лишь бы дело выгорело!» – Размышляя столь рациональным образом, Иволгин широкими шагами шел прочь от сцены. Предстояло еще позаботиться о том, чтобы весть о смерти начинающей певицы затерялась на столах редакторов местных газет. По телевидению сюжет, слава богу, не прошел. Кроме того, ему предстояло вычислить своего противника. Убийца в милицейской форме – подумать только!

Дарья съездила за билетом заранее, поэтому в день, когда пришло время отправиться в ледовый дворец спорта «Кристалл», у нее было приподнятое настроение, в отличие от тех, кто еще не успел приобрести билет на шоу.

Не забывая слова Иннокентия о том, чтоб никаких мужчин и мальчиков после концерта «Ни-ни», она оделась весьма скромно – юбка доходила едва ли не до колен, а белая блузка была абсолютно непрозрачной. Макияж очень скромненький: только щечки попудрила и губки с глазками подвела.

Когда она подъехала к Дворцу спорта, на автостоянке мест уже не было, пришлось парковаться рядышком, на тихой улочке.

Причесавшись, она вылезла из «девятки» и придирчиво осмотрела гардеробчик. Не дай бог на чулочке складочка! Не говоря уже о более страшных вещах типа темной полопочки на апельсиновой юбочке... Осмотр не дал отрицательных результатов, и она выступила по направлению к сборищу страждущих зрелища.

Чем ближе она подходила к толпе, тем тревожней становилось у нее на душе. Народ сгрудился у закрытой двери. До объявленного в рекламе начала представления оставалось около пяти минут, но людей внутрь не пускали, и те выража-

ли свое недовольство редкими вскриками, которые по мере приближения Дарьи стали более интенсивными. Толпа загудела.

Ощущение, что «кина не будет», овладело и ею. Дрянное это чувство – облом по полной программе! Ничего нельзя изменить, ничего перенести. Ты беспомощная песчинка в огромном потоке обстоятельств.

– Что случилось? – спросила Дарья у размалеванной девчоночки, выкрики которой были ярким примером ненормативной лексики.

– Эти козлы не хотят нас пускать! – В голубых глазах было столько ненависти, что Дарья отшатнулась.

Молодежь, притопавшая на концерт со всех концов города, пока еще держала бутылки с пивом при себе. Время «Ч» стремительно приближалось. Не желая находиться в толпе в тот момент, когда время выйдет, Дарья отошла подальше.

Наконец, к людям решил обратиться какой-то бородатый здоровяк. На улице он так и не показался, но мегафон в узкую щель, организованную милиционерами, просунул:

– Я продюсер этого турне!

Толпа замолкла.

– К сожалению, у нас украли часть оборудования, без которого невозможно дать концерт!

Крики недовольства были весьма сильными. В прозрачные двери полетели пустые и не пустые бутылки и банки. Стеклянная тара разбивалась о преграду, и сотни осколков

стали рассекать лица тех, кто стоял около дверей.

Люди, получившие ранения, отпрянули назад, в то время как стоящие сзади недовольные, наоборот, навалились. Началась давка. Милиция, до этого стоявшая без дела, пустила в ход дубинки и в очень недружелюбной форме стала ликвидировать пробку перед главным входом.

На фразу в сообщении о том, что в течение недели все смогут сдать свои билеты и получить обратно деньги, уже никто не обратил внимания. Народ был озабочен единственной целью: нанести как можно больший вред Дворцу спорта.

Здесь делать ей больше нечего, поняла Дарья. Билетик она разорвала на кусочки, после чего аккуратно опустила бумажечки в ближайшую урну, дымящуюся, словно вулкан, благодаря незатушенным бычкам.

Грустно было уходить ни с чем. Хорошо, что Иннокентий компенсировал собственное отсутствие деньгами. Это несколько скрашивало отвратительное настроение. Захотелось в постельку, под мужское крылышко. Грустно вот так разворачиваться на все сто восемьдесят градусов и ковылять по тротуару. Посмотрев по сторонам, она увидела неоновую вывеску, зазывающую перекусить в кафе «Иноходец». Пожав плечами, решила заглушить тоску поеданием парочки свеженьких пирожных. Нельзя же уходить совсем ни с чем! Приехала сюда за десять верст... хоть поесть, и то праздник.

Из динамиков вылетал хриплый голос Высоцкого. Дарья любила его песни – впрочем, кто ж их не любит в России?

Песенка была веселая, про людоедов. Под такой аккомпанемент уничтожать сдобу было делом очень легким и приятным. Как-то незаметно пролетел целый час. Она не ожидала, что так засидится. Будто на самом деле на концерте побывала!

– Девочка, можно я с тобой сяду рядышком?

Рядом с ее столиком стоял тот самый бородач, который безуспешно пытался извиниться перед публикой.

Она не стала останавливать его, когда он, так и не дождавшись разрешения, уселся напротив. То, что перед ней человек обеспеченный, она чувствовала кожей. Он не суетится, не колготится. Делает все размеренно и спокойно. Одет непросто: костюмчик сшит на заказ, жилеточка из дорогой ткани. На мизинце перстенок. Борода ухожена лучше, чем лужайка в саду какого-нибудь Людовика.

– Я хотела сегодня попасть на ваше шоу, – уколола она. – Вместо этого приходится объедаться мучным.

– И вы о том же! Такая красивая, стройная, а все о том же! Вы думаете, что шоу-бизнес – это свет фонариков и огромные деньги? Нет, дорогая моя, это еще и неудачи, которые надо уметь переносить. Не против, если я закажу себе немного водочки?

– Как хотите. Только мне не предлагайте.

– Договорились.

После того как он пропустил подряд пару стопок, Дарья решила выведать, что же все-таки произошло.

– Ну, я не могу с вами разговаривать о таких вещах. К тому же вы уже все слышали.

– Почему бы вам не выпустить певицу одну? Поплясала бы под фонограмму, без музыкантов, которым в руках держать нечего. Зато народ остался бы доволен.

– Я Дмитрий, а вас как зовут?

Дарья представилась.

– Знаете, Даша, ситуация у нас весьма напряженная. Через два дня мы должны уже быть в Волгограде. Стоимость похищенного несколько тысяч долларов. Убытки потому, что сегодня ничего не состоялось, примерно того же порядка.

– И что же вы будете делать?

– Придется гонять самолет в Москву за новым оборудованием, а это – снова деньги.

– Вы врете мне, Дима.

Она поднялась, собираясь уходить.

Иволгин схватил девушку за руку.

– Может быть, вы объяснитесь?

– Проблема не в инструментах. Проблема в певице. Впрочем, это не мое дело.

Он смотрел на нее, не моргая. Столь пронизательную девушку он встретил в первый раз.

– Но как вы догадались?

– Это элементарно... Любая девочка в состоянии подергаться под фонограмму и сохранить свою репутацию бо-

лее-менеe незапятнанной. Способность вилять попкой и разевать рот не исчезает при отсутствии на заднем плане музыкантов.

– Извините, что прерываю ваш разговор. – К ним подошел небольшого роста жилистый человечек.

– Что случилось, господин Куркин? – недовольно спросил Иволгин. Ему явно не понравилось это вторжение. Да ему сегодня все не нравилось!

– Нашли инструменты.

Брови у Дмитрия Игоревича поползли вверх.

– Что вы говорите?! И где?

– В Саратове есть такое место – Глебучев овраг. Глухой угол... частный сектор недалеко от Волги.

– А воры?

– Они там же, мертвые. Два трупа.

Взгляды Дарьи и продюсера встретились.

– Ну вот, для вас все закончилось благополучно. – Ей уже надоело общество московского гостя.

– Стойте, стойте, стойте! – захмелевший Иволгин снова остановил ее.

Она замерла и вопросительно уставилась на него.

– Артур, вы идите, я сейчас буду. – Хореографа вежливо удаляли со сцены. Когда тот ушел, Иволгин поднялся и положил руку на плечо Дарьи. Она не стала препятствовать ему. Ну что такого? Он же не под юбку ей лезет! – Девушка, что вы делаете сегодня ночью?

– У меня очень сердитый поклонник, и ему не понравится, что к его девушке кто-то пристаёт.

– Знаешь, Дарья, я сегодня вляпался по самые уши. Почему бы тебе не скрасить одиночество расстроенного и пьяного столичного продюсера?

– Вы думаете, что можете вот так запросто подойти к девушке в кафе и она, сраженная вашей ухоженной бородой и внушительными габаритами, забудет про все на свете?

Он уже вел ее под руку к выходу, поправляя на ходу очки в тонкой золотой оправе.

– Нет, ну почему же! Давайте определим цену. Скажем, сто долларов за ночь.

Когда Дарья вышла на улицу, она позволила себе рассмеяться:

– Что это вы? Думаете, я стою полвидеоплейера? Идите, Дмитрий, собирайте инструменты. Вам уже надо отбывать в Волгоград.

Иволгин покраснел.

– Какая с-су...

– Что?! – Дарья не задумываясь въехала острым носом туфли по его голени. Клеящийся джентльмен сразу потерял хватку. – Что ты хотел сказать?!

Она смотрела, как он отступил на шаг и, согнувшись, обхватил ногу. Сил во время удара она не жалела.

– Мне кажется, я немного погорячился, – простонал он, неуклюже отступая.

– Всего доброго. – Она развернулась и пошла к своей машине, а вслед ей неслоь:

– Двести! – Дарья продолжала дальше идти. – Четыреста. – Он стал неуклюже ковылять следом. – Восемьсот! – Выкрикнул он после некоторой паузы. Дарья немного сбавила скорость, но не собиралась пока оборачиваться и тем более останавливаться. – Хорошо, хорошо, полторы тысячи!!!

Она повернулась к нему:

– Две.

Иволгин вытаращил глаза:

– Да я за эти бабки в Москве...

– Вот и я о том же. Всего доброго.

Он вытер пот со лба. До ее прелестных ушек долетели причитания:

– Боже мой, что же это за день такой сегодня?! То проваливается концерт, то женщина, которая мне безумно понравилась, назначает неподъемную цену!.. Ну, хорошо, хорошо, я согласен... Что я делаю, господи?..

– Ты догадался произнести хоть один комплимент. Пусть будет тысяча девятьсот.

Он доковылял до нее и обнял, навалившись всем своим весом на ее хрупкие плечи.

– Красавица моя, рыбка, ласточка, крошка!.. Глазки у нас бриллиантовые, пальчики у нас сахарные...

– Торги закончены, и цена больше не упадет, – успела сообщить она, прежде чем его губы накрыли ее лепестки...

– А как же инструменты? – Дарья жадно хватала ртом воздух – так долго москвич не отпускал ее.

– Они и без меня разберутся. Поехали к тебе!

– Ко мне?.. Ну, хорошо. – Иннокентий улетел с шефом в командировку, и квартира была в ее распоряжении.

– Отлично, я хоть скроюсь с глаз на время. А то еще местная милиция начнет доставать – такое не каждый день случается! Два трупа – подумать только!..

Переступая порог квартиры Иннокентия, Дарья испытывала неприятные ощущения. А вдруг он дома? Что тогда?.. Но страхи оказались напрасными.

Прежде чем раздеться, она потребовала выложить деньги. Иволгин не раздумывая отсчитал означенную выше сумму и положил на тумбочку.

– Красивая спальня. – Он всего на секунду отвлекся от ее фигуры, но это не могло не задеть.

– За дело, мужчина! – призвала она. Он бросился на нее, и тут Дарья закричала: – Стоп! Стоп! Стоп!

Он был раздосадован:

– Что не так?

– Может быть, пойдем в душ?

Не говоря ни слова, бородатый здоровяк, чьи глаза горели от возбуждения, взял Дарью на руки и под визг восторга понес ее купаться...

Без пятнадцати одиннадцать Дарье захотелось пить. Наведшись в кухню, она приложилась к бутылке минералки, и

в этот момент послышался хруст проворачиваемого ключа.

– Жадность фраера сгубила, – прошептала она и влетела в спальню. – Подъем, Дима! Тревога! Враги напали на наш лагерь!

Иволгин продрал глаза и уставился на нее; тем временем входная дверь еле слышно скрипнула, и спокойный голос высокооплачиваемого телохранителя осведомился о том, дома ли «дорогая».

– Давай, давай на балкон! – Дарья снова перешла на шепот. – Мой ухажер вернулся!

Продюсер же лег поудобнее и подложил подушку под голову.

– Да мне насрать! Я заплатил тебе достаточно...

По тому, как он вел себя, Данилова поняла, что ее клиент не собирается уходить. Секунды, оставшиеся до неизбежной встречи, стремительно таяли.

Она накинула на себя халат и опустилась на пуфик.

«Чертова жизнь!» – подумала она, тупо уставившись в пол.

– Мы в его квартире, дорогой, – сообщила продюсеру Дарья. – Приготовься вылетать отсюда с треском.

– Ну, это мы еще поглядим, – бодро заявил Иволгин.

– Дорогая, судя по ботинкам, у нас гости, – несло из коридора.

«И еще какие!» – мелькнуло в мозгу.

– Кто-то по работе? – снова задал вопрос Иннокентий Ми-

хайлович и вошел в спальню.

Вид лежащего на его месте мужика не очень-то и расстроил, как показалось незадачливому любовнику, хозяина, разве что глаза его сверкнули.

Габариты Иволгина несколько не смутили телохранителя.

– Здравствуй и прощай, «борода», – скомандовал тот, кто мог в данной ситуации действовать более радикально. На Дарью вернувшийся раньше времени спонсор предпочитал не смотреть.

– Может, ты поможешь мне одеться? – дерзко заявил столичный гость.

– Идиот, – еле слышно успела произнести Дарья, прежде чем в воздухе просвистела огромная туша. «Борода» врезался в огромное зеркало...

Когда голожопый Иволгин был выставлен за дверь, она попыталась открыть рот:

– Это просто...

Он не дал ей шанса.

– Молчи, ничего не говори, солнце мое. На сборы три минуты.

Как ни обидно терять такого мужика, как Петров, но что теперь делать? Она хотела купить себе однокомнатную квартиру в центре – благодаря Диме у нее хватит денег, но на что она будет жить дальше, пока не ясно...

Может быть, в отведенное время она и не уложилась бы, но Иннокентий ее не торопил. Испытывать его молчаливое

терпение она не собиралась и, как только собрала манатки, выкатилась на улицу.

На лавочке у подъезда расквартировался Иволгин. Он поманил ее пальцем, словно маленькую девочку:

– Ночь еще не закончилась, а деньги уже заплачены, поехали в гостиницу, дорогуша. Денежки надо отрабатывать до конца.

Баксы ей были очень нужны, а о том, чтобы отвязаться от москвича, она и не думала: слишком рискованное это дело – подставлять мужика два раза подряд. Может и обидеться – как следствие, пострадает лицо, а это нежелательно...

Они приехали в небольшую частную гостиницу без названия, которая занимала весь первый этаж двухподъездного жилого дома. Место было тихое, неприметное – самое то, если заезжая знаменитость хочет отдохнуть от местных репортеров.

Когда Дима, положив огромные ладони несколько ниже талии, завел ее в свой номер, Дарья поняла, что покоя ей сегодня уже не будет – за журнальным столиком сидел молодой человек в милицейской форме. Судя по количеству маленьких звездочек на погонах, лейтенант.

– Гражданин Иволгин? – осведомился он, приподнимаясь.

Как ни тяжело было «бородe» признаваться в том, что он это он, Дмитрий Игоревич все же сделал над собой усилие и кивнул. Затем, как всякий нормальный хомо сапиенс, спро-

сил в свою очередь:

– А в чем дело?

Лейтенант что-то писал – его черноволосую макушку успели изучить и москвич, и раскачивающаяся с носков на пятки Дарья, прежде чем тот с наигранной веселостью ото-звался:

– А вы разве не знаете? Ведь ваш хореограф Куркин со-общал вам о том, что нашлись инструменты.

– Ах, да-да-да, припоминаю такое. Ну и что? Их должны уже были привезти, я так думаю. Ну не состоялся концерт – ничего страшного, это бизнес.

– Знаете, гражданин, не надо умничать, – лейтенант смот-рел на него снизу вверх, и в его взгляде не было ничего хоро-шего. – Вам придется пройти со мной в отделение, там есть несколько человек, которые не спят этой ночью. И все из-за гастролей Вики Апрель.

Дарья облегченно вздохнула. Сейчас Иволгин уйдет, а она спокойно поедет к мамочке домой, спать.

– Вы кто? – спросил лейтенант у нее.

Дарья почти тепло улыбнулась.

– А вы, мальчик-гражданин, кем будете?

Товарищ милиционер насупился.

– Лейтенант Пластунов. Теперь попрошу ответить на во-прос.

– Я местная. – Дарья поморгала и состроила мальчику глазки. – Неужели маленькой девочке нельзя гулять со взрос-

лым дядей?

Лейтенант неожиданно взбрыкнул:

– В участок! Оба! Следуйте за мной!

Иволгин вздохнул:

– Какой козел, господи. – Он говорил тихо, так, чтобы лейтенант не услышал. – И таких м-м-му... молодых людей наше государство наделяет полномочиями!

– Вы не имеете права! – крикнула Дарья, и не думая сдерживать эмоции.

Служитель закона снова вошел в номер.

– Паспорт, – потребовал он у Даниловой, протягивая руку.

Она, порывшись в сумочке, сунула в его клешню водительские права.

Пластунов полюбовался на документ и положил его к себе в нагрудный карман.

– Что вы делаете?! – возмутилась Дарья.

– Создаю мотивацию.

Такой наглой улыбки, как у лейтенанта, она в жизни никогда не видела.

* * *

Их везли на служебном «уазике». По дороге, сколько она ни кланчила у лейтенанта права обратно, ничего не вышло. Представитель власти только все больше хмурился. Она да-

же, шутки ради, предложила ему и сержанту-водителю сделать минет прямо в машине, на что Пластунов посоветовал ей заткнуться и поберечь язык для беседы в отделении.

Дарью оставили в коридоре на стуле, в то время как Иволгина препроводили в кабинет под номером четырнадцать.

Очень скоро пригласили и ее. В комнате, прямо напротив входной двери, за столом сидел седой мужчина в полосатой рубашке с короткими рукавами и курил. Напротив него, прислонившись к спинке стула тем боком, который не успел отбить Петров, развалился москвич, также с сигаретой в зубах.

Лейтенант был здесь же, он что-то лихорадочно записывал в блокнот – казалось, ему ни до чего нет дела.

– Майор Костин, да?

– Откуда знаете? – спросил седой у Дарьи, слегка прищурившись от едкого дымка.

– Табличка на двери. – Данилова подумала и добавила: – Красивая.

– Вчера повесили, – поделился майор по-житейски, – теперь все знают, к кому идут. Заберите права. – Он протянул ее документы.

Дарья в одно мгновение забрала их.

– Я могу идти?

– Вместе пойдем, – «обрадовал» продюсер. – Сейчас товарищ майор покажет тебе фотографии.

Седоволосый милиционер разложил на столе веером несколько снимков.

– Посмотрите внимательно.

Дарья подошла к столу и, скривив губки, стала рассматривать жмуриков: бледные лица, неестественно повернутые головы. Один маленький, соплей перешибешь, второй, напротив, здоровенький.

– Им свернули шеи, да?

Майор посмотрел на нее, она на него. У следователя были такие же зеленые глаза, как и у нее. Зеленые глаза вообще редкость, а здесь – почти родное...

– Вы разбираетесь в анатомии?

– Немного, но в данном случае это не важно. Именно эти ребята стащили инструмент?

– Они самые. Так вы узнаете кого-нибудь?

Дарья еще раз посмотрела на снимки.

– Нет, я их никогда не видела.

Приходилось в очередной раз врать. Но не втягивать же Иннокентия в это дерьмо! Конечно, она узнала их. Эпизод с вымогательством посреди ночи на узкой улочке, может, и представляет для майора интерес, особенно если личности убитых не установлены. Она могла бы назвать район, где они с Иннокентием подверглись нападению, но зачем наживать проблемы? Она и так доставила сегодня Петрову массу неприятностей. Если еще и менты его достанут, он ей потом может попортить кровь. Надо просто сказать, что не видела, – и все тут.

– Раздолбай! – ругался продюсер, расправляя завернув-

шийся ворот рубашки, пока они спускались вниз с небольшого крыльца.

Решили вернуться в гостиницу и снять стресс с помощью бутылки шампанского. Пойманная на улице тачка – старенькая «Волга» – везла их по спящему городу, а шоумен не переставал скоблить милицию против шерсти:

– Таких говнюков, как этот лейтенант, я еще не встречал! Неужели обязательно надо было дергать людей ради того, чтобы задать им всего два вопроса: «Кто вы такой и что вы здесь делаете?» – после чего показать фотографию двух трупов, убедиться, что я никого на ней не узнаю, и отпустить?! Неужели так трудно было проделать все то же самое в гостинице?

Дарье нечего было добавить. Куда ни кинь, он всюду был прав. Ночная поездка в милицию доконала Иволгина окончательно. Он попросил остановиться у магазинчика, где была ночная торговля, и, кроме шампанского, взял, еще и бутылку коньяка подороже.

– Может, я домой поеду? – Дарье чувствовала, что устала. К тому же ей завтра квартиру покупать. Что она тут вообще делает?

– Тебе заплачено до утра, – Иволгин приобнял девочку за плечи. – Не надо торопиться жить.

* * *

Сопля сидела в своем номере и потягивала лимонад. Она как-никак отработала уже четыре концерта и была рада неожиданно предоставившейся в Саратове передышке. В общем и целом ей все удавалось. Рот она открывала справно – народ просто неистовствовал, когда она виляла прелестями под ритмичную музыку. Кожаные штаны в обтяжку из концертного гардероба ей нравились больше всего. Как наденешь! Как выйдешь! Могла ли еще месяц назад она, заурядная проститутка из Клина, представить себе, что будет «петь» на сцене?! Люди, чтобы пробиться, тратят годы, ей же потребовалось всего-навсего оказаться в нужное время в нужном месте!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.